

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024030124

«Мы мало знаем раннего Брюсова...»: творчество поэта-символиста в научном наследии Н. К. Гудзия

© 2024 г. М. А. Фролов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9694-6583>
maximfam@mail.ru

Резюме. В статье предпринята попытка рассказать о той части научного наследия историка литературы, текстолога, педагога Н.К. Гудзия, которая посвящена творчеству поэта, прозаика, литературного критика, переводчика, общественного деятеля В.Я. Брюсова. На основании неопубликованных архивных материалов, печатных работ, материалов личного архива и переписки Гудзия охарактеризован вклад ученого в развитие отечественного «брюсоведения», определены основные обстоятельства, повлиявшие на формирование его читательского и исследовательского интереса к этой теме. Кроме того, представлена предыстория появления на свет основных научных работ Гудзия, посвященных Брюсову и раннему этапу становления русского символизма, а активная работа ученого во 2-м МГУ, Государственной Академии Художественных наук, «Кружке памяти Валерия Брюсова» рассмотрена с точки зрения движения исследователя к избранной теме и объекту научного интереса. Представленные материалы позволяют проследить судьбу нескольких исследовательских сюжетов — история раннего русского символизма, юношеское творчество Брюсова, смена его творческих и научных интересов, роль литературного окружения в жизни поэта — от их рождения и систематизации архивных материалов до печатного воплощения.

Благодарность. Автор выражает признательность научному сотруднику ИРЛИ РАН В.В. Филичевой за предоставленный текст письма Н.К. Гудзия к Д.Е. Максиму, а также заведующему Отделом редких книг и рукописей МГУ им. М.В. Ломоносова А.Л. Лифшицу и всем сотрудникам отдела за многообразную помощь и внимательное отношение.

Ключевые слова: Н.К. Гудзий, В.Я. Брюсов, И.М. Брюсова, П.П. Перцов, Д.Е. Максимов, «Русские символисты».

Для цитирования: Фролов М.А. «Мы мало знаем раннего Брюсова...»: творчество поэта-символиста в научном наследии Н.К. Гудзия // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 3. С. 116–125. DOI: 10.31857/S1605788024030124

“We Know Little About the Early Bryusov...”: The Work of the Poet-Symbolist as Reflected in the Scholarly Heritage of N. K. Gudziy

© 2024 Maxim A. Frolov

Cand. Sci. (Philol.)

Senior Researcher at the Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya Str., 121069 Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9694-6583>

maximfam@mail.ru

Abstract. The article attempts to talk about that part of the scholarly heritage of the literary historian, textual critic, teacher N.K. Gudziy, which is dedicated to the work of the poet, prose writer, literary critic, translator, public figure V.Ya. Bryusov. Based on unpublished archival materials, printed works, materials from Gudziy's personal archive and correspondence, the scholar's contribution to the development of domestic “Bruce studies” is characterized, and the main circumstances that influenced the formation of his reading and research interest in this topic are identified. In addition, the background to the birth of Gudziy's main scholarly works, dedicated to Bryusov and the early stage of the formation of Russian symbolism, is presented, and the scholar's active work at the 2nd Moscow State University, the State Academy of Artistic Sciences, and the “Circle in Memory of Valery Bryusov” is considered from the point of view of the researcher's movement towards chosen topic and object of critical interest. The presented materials allow us to trace the fate of several research subjects – the history of early Russian symbolism, Bryusov's youthful creativity, the change of his creative and critical interests, the role of the literary environment in the poet's life – from their birth and systematization of archival materials to printed embodiment.

Acknowledgements. The publisher expresses his gratitude to the research fellow of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences V.V. Filicheva for providing the text of letter from N.K. Gudziya to D.E. Maksimov, as well as the head of Department of Rare Books and Manuscripts (Moscow State University), A.L. Lifshits and all employees of the department for their varied assistance and attentive attitude.

Key words: N.K. Gudziy, V.Ya. Bryusov, I.M. Bryusova, P.P. Pertsov, D.E. Maksimov, “Russian Symbolists”.

For citation: Frolov, M.A. “*My malo znaem rannego Briusova...*”: *tvorchestvo poeta-simvolista v nauchnom nasledii N.K. Gudziia* [“We Know Little About the Early Bryusov...”: The Work of the Poet-Symbolist as Reflected in the Scholarly Heritage of N.K. Gudziy]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 3, pp. 116–125. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024030124

Занявшись в первой половине 1920-х годов изучением русского символизма, историк литературы, текстолог, педагог Н.К. Гудзий (1887–1965) впоследствии сделал немало и для развития отечественного «брюсоведения», хотя оценивал свой вклад неизменно скромно. Гудзию принадлежат статьи, определившие, в ряду других новаторских исследований, перспективы изучения литературного наследия Брюсова – «Из истории раннего русского символизма (Московские сборники “Русские символисты”» [1] и «Юношеское творчество Брюсова» [2], основанные на материалах личного архива поэта. Эти труды не утратили своего научного значения, несмотря на то что за прошедшие десятилетия литература о русском

символизме пополнилась сотнями обобщающих и специальных работ, рассматривающих разные аспекты его истории и представляющих материалы для ее изучения. Гудзий был книжником в самом высоком смысле этого слова. К началу 1920-х годов, о которых пойдет речь далее, у Гудзия уже имелась достаточно подробная «брюсовиана» [3, с. 21–25]. В основе исследовательского внимания Гудзия (подлинного ценителя и редкого знатока поэзии) к биографии и творчеству Брюсова лежал глубокий читательский интерес. Несомненно, что на обращение Гудзия к истории русского символизма, и в особенности – к творчеству Брюсова, самым непосредственным образом повлияли несколько обстоятельств.

Прежде всего, это работа организованных ученым в сентябре 1923 — июне 1924 г. двух семинариев, по русскому символизму и по русской литературе начала XX в., для студентов литературно-лингвистического отделения педагогического факультета 2-го МГУ, профессором которого Гудзий был в эти годы. Достоин особого внимания, что опыт руководства коллективной работой по изучению истории русского символизма и творчества Брюсова в рамках программы советской высшей школы был предпринят Гудзием еще при жизни поэта. Значительное место в заседаниях семинариев занимало также творчество Вячеслава Иванова, Александра Блока и Федора Сологуба. Брюсову были посвящены четыре доклада: «Ранний период творчества Брюсова» (Новогрудского), «В. Иванов и Брюсов как теоретики символизма» (Шишова), «Послереволюционный Брюсов» (Крушкола). В заключительном слове, оценивающим доклад Добининой «Социальные корни символизма», Гудзий высказал замечание, являющееся, по сути дела, первым его высказыванием о символизме, отраженным в документальных материалах, правда, не лишенным некоторых характерных примет времени и не вполне справедливым: «... символизм сперва пошел от интеллигенции и был радикальным течением, но потом попал в услужение к буржуазии. Ошибка докладчицы в том, что она не провела резкой грани между символизмом и декадентством»¹. Позднее, читая «Дневник» Брюсова и сборники «Русские символисты», по поводу предисловия к первому их выпуску, начинающегося со слов «Нисколько не желая отдавать предпочтения символизму...», Гудзий оставляет заметку: «Попытка разграничить символизм и декадентство...»². Впоследствии он разовьет эту мысль в статье «Из истории раннего русского символизма».

Второе существенное обстоятельство — активная работа Гудзия в Государственной Академии Художественных Наук (далее — ГАХН) в 1922–1929 гг., где он, будучи действительным членом и заведующим Подсекцией русской литературы Литературной секции, соприкоснулся с наследием своих героев и лично познакомился с их современниками — П.П. Перцовым, Г.И. Чулковым, С.М. Соловьевым, Л.Я. Гуревич, С.Н. Дурылиным, В.Ф. Саводником и вдовой поэта И.М. Брюсовой.

Но прежде чем рассказать о «брюсовском» направлении работы Гудзия в ГАХН, очень многое

определившем, упомянем об эпизоде, безусловно, важном для Гудзия, который имел место в 1924 г., — встреча с Брюсовым и оппонирование ему в дискуссии по его докладу «О рифмах у Пушкина»³ на заседании Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности⁴, состоявшемся на квартире литературоведа Н.Н. Фатова, жившего с Гудзием в одном доме № 26 по Трубниковскому переулку. Согласно воспоминаниям литературоведа Н.А. Трифонова, «Брюсов, который был одним из выдающихся знатоков и мастеров поэтической формы, в названном докладе показал, что Пушкин в своих стихах обращал большое внимание на так называемые “опорные” звуки, находящиеся слева от ударения в рифмуемых словах, и тем самым явился в известной мере как бы предшественником поэтов XX столетия» [6, с. 337]. 28 февраля 1924 г. Гудзий записывает в дневнике: «Вечером заседание Пушкинской комиссии. Доклад Брюсова — о рифме у Пушкина. Александризм и схоластика. Неубедительно и неглубоко. Возражал ему. Пиксанов на записочке написал: “Вы очень хорошо говорили”»⁵. Поскольку архив Общества сохранился лишь до 1920 г., восстановить ход заседания, в том числе обсуждения, и хотя бы в общих чертах — выступление Гудзия — не представляется возможным. Не проясняют эпизода воспоминания Фатова, посвятившего заседанию всего несколько абзацев [7, с. 215–223]. Сам Брюсов, как о том свидетельствуют и воспоминания И.Н. Розанова, особо выделил для себя выступление М.А. Гершензона и не названного оппонента, сделавшего ему замечания относительно творчества М.М. Хераскова [4, с. 81]; [8, с. 763]. Можно было бы предположить, что речь идет о Гудзии, но для этого нет достаточных оснований — их с Розановым связывала близкая дружба, вряд ли он мог удостоиться безличного упоминания. Документальных свидетельств о каких-либо иных эпизодах личного общения Гудзия и Брюсова в настоящее время не обнаружено. Предполагаем, что оно не успело выйти за пределы простого знакомства.

В том же году, в майском номере журнала «Книга о книгах» Гудзий в обзоре «Пушкинская литература в послереволюционные годы», по справедливости заметив, что двадцатый век выдвинул «целую группу солидных пушкинистов, в ряду которых значительное место занимают поэты-символисты,

¹ ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 10. Ед. хр. 5. Л. 3.

² Там же. Карт. 1. Ед. хр. 11. Л. 10.

³ Ср. со статьей Брюсова «Левизна Пушкина в рифмах», опубликованной тогда же [4].

⁴ Действительным членом Общества Гудзий состоял с 1922 г. [5, с. 587].

⁵ ОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. Ед. хр. 2. Л. 4об.—5.

как В. Брюсов и Вяч. Иванов», весьма критически, как и многие его коллеги, оценил вышедшую в 1919 г. первую часть первого тома «Полного собрания сочинений» А.С. Пушкина под редакцией Брюсова: «... филологическое чутье и критическая строгость, обнаруженные Брюсовым в предшествующих штудиях по Пушкину, покинули его в этом ответственном и серьезном научном мероприятии» [9, с. 30, 31].

В середине 1920-х годов Гудзию довелось возглавить коллективную работу по истории русского символизма в рамках работы ГАХН, итогом которой мыслилась целая серия сборников архивных материалов и исследований под редакцией Гудзия (в 1925/1926 академическом году «подсекция в плане своих занятий на первом месте поставила изучение русского символизма»). Она должна была открыться сборником «Ранний русский символизм», работа над которым происходила с начала 1926 г. по осень 1928 г. Гудзий не оставлял надежды опубликовать его в расширенном и измененном составе до 1929 г. Весной сборник был отвергнут Главлитом, о чем ученый сообщил на заседании Президиума Литературной секции 8 апреля, да и надвигающиеся на Академию суровые испытания не способствовали положительным ожиданиям [10, с. 34]; [11, с. 50–52].

Доклад «Первые шаги московского символизма (сборники “Русские символисты” 1894–1895 гг.)», был прочитан Гудзием на заседании Пленума Литературной секции 26 апреля 1926 г. Протокол заседания, по-видимому, не сохранился, поэтому мы лишены возможности познакомиться с полным текстом выступления Гудзия и с материалами обсуждения. Исключительную ценность приобретает в этой связи статья ученого «Из истории раннего русского символизма», опубликованная в 1927 г. в журнале «Искусство», в основу которой был положен прозвучавший доклад [11, с. 50–54]. Значительную помощь в работе над темой оказывали Гудзию И.М. Брюсова и П.П. Перцов. 1 апреля 1926 г. Гудзий благодарил Перцова, познакомившего его с письмами Брюсова, обращенными к нему, и с фрагментами собственных воспоминаний до их появления в печати: «С большой благодарностью возвращаю Вам рукопись. Я не думал, что она представляет собой такой ценнейший материал для истории раннего символизма. Сделал кое-какие выписки для истории “Рус<ских> симв<олистов>”, которыми разрешите воспользоваться для доклада»⁶, а 11 июля 1927 г., благодаря его за книгу писем

Брюсова, выпущенную под грифом ГАХН, писал: «Искренно благодарю Вас за присылку мне Вашей книжки. Она очень много дает для истории русского символизма как раз в той его стадии, которой я интересуюсь»⁷.

С вдовой Брюсова Гудзия связывали добрые отношения — она активно помогала ученому в «брюсовских» изысканиях, познакомив его с материалами личного архива поэта. В распоряжении Гудзия в пору его работы над статьей находились авторские экземпляры всех выпусков «Русских символистов» и всех первых поэтических сборников Брюсова с правкой автора, а также сохранившиеся автографы стихотворений и поэм 1893–1896 гг. Связывала И.М. Брюсову и Гудзия взаимная симпатия и уважение, что подтверждают надписи на подаренных друг другу книгах. Свою первую и единственную на тот момент монографию «Переводы “Zywołów swiętych” Петра Скарги в Юго-западной Руси» (1917) Гудзий дарит весной 1926 г. с надписью: «Глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне Брюсовой от благодарного и обязанного ей Ник. Гудзия. 25/III/1926» [12, с. 126]. Сборник «Мой Пушкин» под редакцией Н.К. Пиксанова И.М. Брюсова преподнесла ему в начале 1929 г., вписав на форзаце строки: «Источник Истины, святое созерцание!.. | Я знал блаженный миг, когда блеснул мне свет... Пер. из Г. Шульца Валерий Брюсов. 1894 г.» — и сопроводив словами: «Дорогому исследователю Брюсова — Николаю Каллиниковичу Гудзию. Иоанна Брюсова февр. 1929» [3, с. 24]. Вышедший в конце 1935 г. том «Неизданных стихотворений» под редакцией А.Н. Тер-Мартirosьяна украшен надписью: «Милому Николаю Каллиниковичу Гудзию с верой, что он не будет слишком строгим судьей моей попытке опубликовать брюсовские черновики, отрывки и не увидевшие в свое время свет законченные стихотворения: как те, что поэт не успел опубликовать, так и те, что не считал достойными этой участи. С глубоким и искренним уважением. Иоанна Брюсова 5 февр. 1936 г.» [3, с. 24]. В 1946 г., когда исполнилось 70 лет со дня ее рождения, ученый отправил поздравительное письмо, содержащее ответное признание: «Я вспоминаю с благодарностью дни, когда я в его кабинете, при Вашей милой помощи и Вашем дружелюбии, работал над рукописями большого поэта, получая от Вас драгоценную помощь и драгоценные указания»⁸.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 148. Ед. хр. 24. Л. 10б.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 1.

Гудзию удалось в своем труде решить важнейшие исследовательские задачи — рассказать о культурно-исторических и литературных предпосылках для формирования символизма на русской почве, о роли Брюсова, инициатора и катализатора этого процесса, проецировавшего многие поведенческие стратегии европейских предшественников, зачастую двигаясь в поэтическом плане по их следам, отнюдь не подражая им, но используя их опыт применительно к ожиданиям читательской аудитории и писательского сообщества конца XIX в. Гудзий дал в статье обзор обильной критической литературы и пародий, которые были порождены выходом «Русских символистов» и невольно поддерживали процесс утверждения символизма в качестве лидирующего литературного направления. Гудзий, вслед за Брюсовым, стремился разграничить символизм русский и европейский, который оба они считали в большей степени декадентством (такое же определение ученых дал московскому символизму, противопоставив ему петербургский).

Проследил Гудзий идейную эволюцию, пережитую Брюсовым в работе над выпусками «Русских символистов»: «от взгляда на символическую школу как на равноправную в ряду других <...> к утверждению абсолютного превосходства и даже исключительности символического искусства» [1, с. 193–198]. Для Брюсова это было опытом «взгляда со стороны» (символизм = «поэтическая школа»), вразрез со взглядами Мережковского, Волынского, Минского, Бальмонта, Белого, Блока, Вяч. Иванова (символизм = «органически цельное философское и религиозное мирозерцание»). Брюсов, по справедливому определению ученого, не только приверженец и проводник символизма, но и его теоретик, критик, отстаивающий свою концепцию, стремящийся «определить свою литературную позицию в связи с ростом школы» [1, с. 195, 201]. В существе символизма, отмечает Гудзий, для Брюсова неизменно определяющим моментом являлся «художественный прием», «момент импрессионистического воздействия», а не содержание, и подчеркивает, что этот подход будет оказывать влияние на его дальнейшие «теоретические взгляды и поэтическую практику» [1, с. 195, 199]. Целый ряд брюсовских псевдонимов и мистификаций периода «Русских символистов» (важный тактический ход в утверждении символизма как выражения серьезных намерений его представителей) был впервые в печати раскрыт именно Гудziem. Круг участников и содержание всех трех выпусков были подробно проанализированы ученым со стороны их поэтики, а нередко и стихотворной

формы. Не случайно, а закономерно мимолетное, но выражающее реальную ситуацию с разработкой наследия поэта, замечание Гудзия в дискуссии по докладу И.Н. Розанова «Ранний Брюсов» 28 мая 1926 г. в ГАХН: «Мы мало знаем раннего Брюсова...»⁹. Это высказывание — отправная точка плодотворной работы Гудзия в этой области на ближайшее десятилетие.

15 и 29 января 1926 г., на заседаниях Подсекции русской литературы прозвучали доклады Перцова «Ранний русский символизм» и «Московский символизм 90-х (по письмам В. Брюсова и личным воспоминаниям)». Докладчик коснулся творчества Минского, Мережковского, Бальмонта, Брюсова, кружка авторов журнала «Северный вестник», а также К.М. Фофанова и В.С. Соловьева, стоявших у истоков раннего русского символизма. Гудзий присутствовал на заседаниях и высказал немало существенных соображений, касающихся Брюсова: «В общей истории раннего символизма выступление Брюсова и успех школы, которую он возглавлял, не были бы так значительны, если бы не поддержка многих и многих его товарищей»; «...согласиться с положением о том, что Брюсов не был символистом, можно лишь при наличии очень точной формулы для символизма <...> Для того, чтобы определить убедительно символизм, надо определить его эстетическую гносеологию, пользуясь формальными поэтическими признаками <...> Отрицательные суждения Брюсова о символизме, действительно, приемлемы больше, чем беспомощные положительные»; «...необходимо <...> наметить связь между русскими символистами раннего периода с соответствующими явлениями на Западе»¹⁰. Последнее положение он развил в прениях по докладу Саводника «Валерий Брюсов и французский символизм», прозвучавшему 11 июня 1926 г.: «Брюсов подлинным символистом не был. В первые годы своей деятельности он был декадентом, а позднее стал парнасцем <...> Весьма показательно, что Брюсов только в одной его статье “Ключи тайн” касается идейной стороны символизма, а впоследствии он никогда глубин символизма не раскрывал. Влияние на него французского символизма было чисто формальное. И вообще неясно, были ли французские символисты настоящими символистами в том значении этого слова, в каком его понимают у нас, ибо у них не замечается тенденции вскрыть ноуменальную суть вещей, которая так ярко проявляется, напр<имер>, у Блока и Андрея

⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 36. Л. 57а.

¹⁰ Там же. Л. 29об., 27, 26об.

Белого. Даже Верлен был декадент, а не типичский символист» [11, с. 53].

Третьим существенным обстоятельством на пути изучения Гудзием символизма и творчества Брюсова оказались его плодотворные занятия с 1923 г. наследием и поэтикой Ф.И. Тютчева, «первого русского символиста» по формуле Г.И. Чулкова. Задачам определения основных особенностей поэтики символизма, важнейших предпосылок и почвы для ее формирования, «изучения русской художественной традиции в поэтической культуре русского символизма» был подчинен доклад Гудзия «Тютчев в русском символизме» 20 мая 1927 г. Он послужил основой для монографического исследования Гудзия «Тютчев в поэтической культуре русского символизма», увидевшего свет в 1930 г., в котором ученый одним из первых в научной литературе четко ограничил и определил сферу творческого влияния Тютчева на Брюсова: «Поэт — рационалист, символист не в мировоззренческом плане, а лишь в формальном, неравнодушный больше всего к четким, ясным формам парнасской поэтики, Брюсов по самому складу своего философского и поэтического мировоззрения не может считаться близким к Тютчеву. В стремлении к усвоению и претворению в своем творчестве всех ценностей поэтической культуры от Вергилия и александрийцев до Пастернака, Брюсов, естественно, не мог пройти и мимо Тютчева, возбуждавшего к себе интерес своим поэтическим дерзанием и ярким новаторством. Поэзия Тютчева <...> оправдывавшая новизну поэтических приемов зачинателей русского символизма, была очень выгодным оружием в борьбе со всяческим художественным старожеством и эстетическими шаблонами» [13, с. 490, 491].

Закономерным и последовательным продолжением фундаментальной работы Гудзия в ГАХН стало его активное участие, начиная с весны 1926 г., и поддержка всех научных и мемориальных инициатив «Кружка памяти Валерия Брюсова», начавшего свою деятельность вскоре после кончины поэта как «Содружество им. В. Брюсова», объединившее деятельных почитателей его памяти, а с января 1927 г. продолжившего ее уже в качестве «легализованного литературно-научного общества». Основные задачи «Кружка», в 1928 г. включенного в состав учреждений Главнауки, формулировались следующим образом: изучение архива Брюсова, исследование творчества поэта с точки зрения поэтики и в историко-литературном ракурсе, изучение эпохи символизма, наследие Брюсова — переводчика и армяноведа. Включение предпоследнего пункта в программу

исследований было инициировано в значительной степени Гудзием, поскольку на заседаниях Правления кружка (вплоть до последнего года его существования, 1930-го) он, стремясь придать изучению наследия Брюсова более широкий характер, призывал изучать и других символистов, да и самого поэта рассматривать «в связи с историей символизма» и «тем самым сделать большое историко-литературное дело»¹¹. В записной книжке Гудзия за 1927 г. сохранились две предельно краткие записи о посещении заседаний кружка, наиболее подробную из них, сделанную 9 октября, мы процитируем и прокомментируем: «Вечером у Брюсовой (3-я годовщина смерти). Интересны воспоминания С.М. Соловьева»¹². Запись фиксирует присутствие Гудзия на третьем исполнительном вечере Кружка, торжественном заседании, программа которого включала в себя отчет секретаря А.А. Ильинского-Блюменау, выступление С.М. Соловьева «Воспоминания о Валерии Брюсове», чтение неизданных произведений поэта и музыкальный концерт с участием К.Н. Игумнова, Н.Г. Райского и Л.М. Цейтлина¹³.

Выбор тем для докладов диктовался значительным корпусом материалов, уже находившихся у Гудзия в работе. Первый доклад на заседании кружка под названием «К истории русского символизма», прозвучавший 9 мая 1926 г., полностью совпадал содержательно с аналогичным докладом в ГАХН. Протокол зафиксировал некоторые его положения: «Брюсов в эпоху выпуска “Русских символистов” не был символистом, а был типичным декадентом <...> заявление Брюсова об этом на торжественном заседании в ГАХН в дни его юбилея совершенно соответствуют истине. Между символизмом и аллегоризмом Брюсов видит огромную разницу»¹⁴. Вторая масштабная тема, намеченная в ГАХН, начала реализовываться именно в рамках работы «Кружка». Два доклада Гудзия 1929 г. — «Творчество юного Брюсова» (9 мая) с чтением неизданных стихотворений Брюсова и их вариантов, а также ненапечатанных текстов периода “Stephanos” и «Детское и юношеское творчество Валерия Брюсова» (9 декабря) — подводили промежуточные итоги многолетней работы по изучению личного архива Брюсова, которая в 1937 г. получила свое полное отражение в статье Гудзия «Юношеское творчество Брюсова», напечатанной в «символистском» томе

¹¹ РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 23.

¹² ОР РГБ. Ф. 731. Разд. II. Карт. 1. Ед. хр. 3. Л. 81.

¹³ РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 32.

«Литературного наследства» [2]. Первое упоминание о движении к этой теме содержится в цитируемой ранее статье 1927 г.: «В Брюсовском архиве сохранилось свыше 20-ти переплетенных большею частью в клеенку тетрадей поэта, представляющих драгоценный материал для истории его творчества с ранней юности. В них очень много неопубликованных текстов — стихотворных и прозаических» [1, с. 184]. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в академическом году 1926/1927 планировалось, но не состоялось выступление Гудзия в ГАХН с докладом «Рукописное стихотворное наследие Брюсова» [10, с. 34]. Надо сказать, что анализу Гудзия подверглись тексты разнообразных жанров — в его личном архиве сохранились описания папок с рукописями Брюсова конца 1880-х и начала 1890-х годов, в которых мы находим упоминания о трагедиях «Цезарь» и «Помпей Великий», комедии «Обед», поэме «Король», сатирическом рассказе «Его любовь» и многих других произведениях Брюсова.

Характеристике подобных источников в общем контексте творчества Брюсова и были посвящены два последних доклада Гудзия на заседаниях «Кружка». В первом из них он отметил «разнообразие симпатий поэта — от Пушкина и Лермонтова до самых третьестепенных авторов», охарактеризовал один из первых поэтических опытов Брюсова — стихотворение «Соловей» (1881), а также юношескую школу «редакторской» работы, не прошедшую бесследно для Брюсова, будущего издателя, редактора и автора «Русских символистов» — выпуск рукописного журнала «Начало» вместе с гимназическим другом В.К. Станюковичем. В докладе Гудзий также утверждал, что «зарождение Брюсова как поэта-символиста следует отнести к 1892 г.», поскольку именно тогда появляются «первые декадентские стихи», некоторые из которых представляют собой подражание М. Метерлину¹⁵. Пьесу «Дачные страсти» 1893 г. Гудзий определил как пародию Брюсова на «декадентскую манеру стихов и самый тип поэта-декадента» (это утверждение оспорил в дискуссии Н.С. Ашукин, назвав пьесу «не пародией, а явлением психологического порядка»), добавив в этой связи, что повесть «Декадент», фрагменты которой были им зачитаны на заседании, он «считает весьма автобиографичной»¹⁶.

¹⁵ Читая «Дневник» Брюсова, Гудзий делает такую запись: «В тетради, составленной в 1893 г., уже предвестие стихотворений “Русских символистов”» (ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. I. Ед. хр. II. Л. 5).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 109—109об.

Во втором докладе Гудзий представил, среди прочего, анализ содержания тетрадей с выписками 1889 г., отметив, что она наполнена текстами Фета, Фофанова, Майкова, Мартова, Рылеева, Полонского, но обходит Пушкина и Лермонтова, хотя «их влияние сказывается на творчестве раннего Брюсова». В это же время и позднее, в 1892 г. обнаруживается интерес поэта к культуре и поэзии Древней Греции и Рима, истории искусств, к Надсону и Баратынскому, выразившийся в подражании им. Упоминает Гудзий и предпринятый в 1891 г. опыт «кодификации» Брюсовым текстов первого творческого десятилетия — корпус «Мои стихи», сопровождавшийся «автобиографическими комментариями», являющимися «художественным отображением личных переживаний Брюсова, любопытными для уяснения связи интимной жизни поэта с его творчеством». В таком «симбиозе личных признаний и иллюстрирования их стихами» Гудзий усматривал «новый жанр». Наконец, Гудзий указал на ключевой эпизод: осенью 1892 г. Брюсов делает выписки из статьи З. Венгеровой «Поэты-символисты во Франции», напечатанной в сентябрьской книжке «Вестника Европы», благодаря которой впервые знакомится с символистами¹⁷.

В работе 1937 г., первоначальная редакция которой называлась «Досимволический Брюсов», Гудзий, скромно оценивая художественные достоинства раннего периода творчества поэта (1889—1895), придавал ему большое значение в другом плане — как неотъемлемому условию полного и целостного взгляда на творческий путь поэта в динамике, в эволюции: «Яркими чертами рисует оно идейно-психологические особенности той среды, в недрах которой зарождался русский символизм, те пути, по которым шло интеллектуальное развитие основоположников и зачинателей школы. Кроме того, знакомство с ранним Брюсовым поучительно и в другом отношении: оно позволяет нам с большой наглядностью установить генетику позднейших художественных исканий Брюсова <...> Также и круг культурных, научных и исторических интересов, показательных для зрелого Брюсова, обнаруживается еще в его детских и юношеских пристрастиях. Тем самым, весь писательский путь поэта, начиная с его детских опытов, воспринимается как процесс органический и закономерный. Предварительная выучка и психологическая тренировка были проделаны в годы, предшествовавшие его первым выступлениям в печати. Здесь наметилось все основное, что нужно было приспособить

¹⁷ Там же. Л. 119—120.

к новым литературным перспективам, ставшим на очередь дня» [2, с. 198, 237]. В архиве Гудзия и в редакционном архиве «Литературного наследства» не сохранилось писем, документирующих предысторию его участия в символистском томе, но научный генезис этой темы очевиден.

Важная страница в довоенной научной биографии Гудзия — его участие в подготовке 12-томного собрания сочинений Брюсова. В этой работе он вновь встретился со своими коллегами по «Кружку». Ему и Н.С. Ашукину была поручена подготовка 1-го тома, охватывающего поэтические тексты 1894–1903 гг. (Гудзий сохранил протокол установочного заседания редколлегии издания 28 ноября 1935 г., определившего хронологические и жанровые границы будущих томов, а также распределение зон ответственности.) В 1930-е годы Гудзий регулярно участвовал в заседаниях редколлегии издания под председательством С.И. Кавтарадзе вместе с И.М. Брюсовой, И.М. Беспаловым, В.В. Гольцевым, И.С. Поступальским, К.С. Локсом. 7 января 1936 г. открытка И.М. Брюсовой извещала Гудзия: «9-го/1 у меня соберутся к 8 ч. вечера все редактирующие Собр<ание> Соч<инений> Брюсова, чтобы окончательно распределить между собой материалы и чтобы подать в редакцию общее заявление для подписания договора на редактирование. Очень просим Вас быть»¹⁸. Комментарии, как следует из протокола, было решено давать «текстологические» и «самые минимальные», из вариантов текстов в комментариях должны были публиковаться «наиболее интересные». В плане-проспекте издания указывалось, что оно «не будет полным собранием сочинений, но с достаточной полнотой представит разносторонность творчества Брюсова — поэта, романиста, драматурга, критика, литературоведа и историка». Первый том, согласно цитируемому документу, должен был состоять из следующих разделов: “Juvenilia”, “Chefs d’oeuvre”, “Me eum esse”, “Tertia Vigilia”, “Urbi et Orbi” и «Неизданное»¹⁹. Этот неосуществленный проект был на редкость своевременным и в смысле разработки творческого и архивного наследия Брюсова обещал стать событием этапным. Сохранились в архиве ученого автографы его комментария к юношеским стихотворениям (в частности, направленным в «Северный вестник» в 1892 г., но не принятым к печати), наборный экземпляр комментария к разделу “Juvenilia”, относящийся к весне 1937 г., когда, надо полагать, окончательно прервалась работа Гудзия в издании. 27 января

Сектор классиков Гослитиздата напомнил ему об истечении срока договора на предоставление рукописи первого тома, он получил отсрочку до апреля, но и тогда работа не была представлена в издательство²⁰. Ашукин с волнением писал ему 4 апреля: «...не могу не беспокоиться о своевременной сдаче 1-го тома Брюсова. Я свою работу заканчиваю через три-четыре дня. Когда же приступите Вы? К 15 апреля сдать том необходимо. Если бы Вы сейчас же смогли приняться за работу, то — конечно — успели бы выполнить ее к сроку»²¹. Других материалов о дальнейшей судьбе этой работы Гудзия обнаружить не удалось. Вдова поэта и ее ближайшие сотрудники, несмотря на множество препятствий, в том числе политического характера, не оставляли надежды осуществить издание в первоначальном составе вплоть до конца 1940-х годов [14].

Гудзий всегда был готов оценить работу коллег, которые дорожили его мнением. Приведем один показательный пример. Подаренный Д.Е. Максимовым, младшим коллегой Гудзия по изучению русского символизма и творчества поэта, «брюсовский» том в большой серии «Библиотеки поэта» (1961) украшает такая надпись: «Дорогому Николаю Каллиниковичу Гудзию, проложившему путь к изучению молодого Брюсова, с глубоким уважением и сердечным чувством. Д. Максимов. 26 января 1962» [3, с. 25]. Гудзий откликнулся 7 февраля 1962 г.: «...это первый крупный шаг к академическому — со временем — изданию сочинений Брюсова. Он ведь сыграл в истории русской поэзии XX в. такую же роль, какую сыграл Жуковский по отношению к русской поэзии начала XIX в.: Брюсов приобщил русское поэтическое творчество к высотам европейской поэтической культуры <...> Сколько богатейшего материала для уразумения творчества Брюсова находится в его черновых рукописях, в неизданных стихах и статьях! Когда-то я хотел всем этим заняться, но руки не доходили»²².

Эта поздняя оценка Брюсова, засвидетельствованная Гудziem в частном письме, говорит о том, что творчество поэта продолжало оставаться одной из главных тем его размышлений даже тогда, когда перестала быть предметом исследовательского интереса. Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что в 1920-е — 1930-е годы Гудзий, в тесном сотрудничестве с И.М. Брюсовой, с современниками поэта, его соратниками

¹⁸ ОРКиР НБ МГУ. Ф. 7. Оп. 2. Карт. 3. Ед. хр. 48. Л. 1.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Карт. 4. Ед. хр. 47. Л. 1–2об.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 731. Разд. I. Карт. 46. Д. 37. Л. 10, 11.

²¹ Там же. Карт. 15. Ед. хр. 19. Л. 1.

²² ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 8.

и литературоведами, изучавшими его творчество, принял ближайшее участие в формировании источниковедческой и текстологической базы для подготовки будущих изданий и исследований — основы для развития отечественного брюсоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гудзий Н.К. Из истории раннего русского символизма (Московские сборники «Русские символисты») // Искусство. 1927. Т. 3. Кн. 4. С. 180–218.
2. Гудзий Н.К. Юношеское творчество Брюсова // Литературное наследство. Т. 27–28. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. С. 198–238.
3. Русские поэты XX века в библиотеке Н.К. Гудзия: Издания 1890–1965 гг. Каталог. М.: Литературное обозрение, 1996.
4. Брюсов В. Левизна Пушкина в рифмах // Печать и революция. 1924. Кн. 2. С. 81–92.
5. Клеймёнова Р.Н. Общество любителей российской словесности (1811–1930). М.: Academia, 2002.
6. Трифонов Н.А. Из воспоминаний старого брюсоведа // Брюсовские чтения — 1996. Ереван, 2001. С. 337–343.
7. Валерий Брюсов. Неизданное и несобранное: Стихотворения. Проза. Венок Брюсову. Воспоминания о Брюсове Varia. М.: Ключ; Книга и бизнес, 1998.
8. Розанов И.Н. <Встречи с Брюсовым> // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 759–772.
9. Гудзий Н. Пушкинская литература в послереволюционные годы // Книга о книгах. 1924. № 4 (Май). С. 30–36.
10. Фролов М.А. Н.К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года — 28 мая 1924 года // Русская литература. 2023. № 2. С. 29–50.
11. Фролов М.А. Н.К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 2: 26 ноября 1924 года — 7 декабря 1928 года // Русская литература. 2023. № 3. С. 30–65.
12. Jeanne. Жена поэта Брюсова. М.: Литературный музей, 2018.
13. Гудзий Н. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 465–549.
14. Молодяков В.Э. К истории несостоявшегося собрания сочинений Валерия Брюсова в Гослитиздате // Молодяков В.Э. Мой Брюсов: Публикации. Статьи. Собрание. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. С. 175–179.

REFERENCES

1. Gudziy, N.K. *Iz istorii rannego russkogo simvolizma (Moskovskie sborniki "Russkie simvolisty")* [From the History of Early Russian Symbolism (Moscow Collections "Russian Symbolists")]. *Iskusstvo [Art]*. 1927, Vol. 3, Book 4, pp. 180–218. (In Russ).
2. Gudziy, N.K. *Iunosheskoe tvorchestvo Briusova* [Youth Creativity of Bryusov]. *Literaturnoye nasledstvo*. T. 27–28 [Literary Heritage. Vol. 92]. Moscow, 1937, pp. 198–238. (In Russ).
3. *Russkie poety XX veka v biblioteke N.K. Gudziya: Izdaniya 1890–1965 gg. Katalog* [Russian Poets of the Twentieth Century in the Library of N.K. Gudziy: Editions 1890–1965. Catalog]. Moscow, 1996. 160 p. (In Russ).
4. Briusov, V. *Levizna Pushkina v rifmakh* [Pushkin's Leftism in Rhymes]. *Pechat' i revoliutsiia* [Print and Revolution]. 1924, Vol. 2, pp. 81–92. (In Russ).
5. Klejmjonova, R.N. *Obshhestvo ljubitelej rossijskoj slovesnosti (1811–1930)* [Society of Lovers of Russian Literature (1811–1930)]. Moscow, 2002. 621 p. (In Russ).
6. Trifonov, N.A. *Iz vospominanii starogo briusoveda* [From the Memoirs of an Old Briusov Scholar]. *Briusovskie chteniia — 1996* [Bryusov readings — 1996]. Yerevan, 2001, pp. 337–343. (In Russ).
7. Valeriy Briusov. *Neizdannoe i nesobrannoe: Stikhotvorenii. Proza. Venok Briusovu. Vospominaniia o Briusove. Varia* [Valery Bryusov. Unpublished and Uncollected: Poems. Prose. Wreath for Bryusov. Memories about Bryusov. Varia]. Moscow, 1998. 332 p. (In Russ).
8. Rozanov, I.N. *<Vstrechi s Briusovym>* [Meetings with Bryusov]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 85: Valerii Briusov* [Literary Heritage. Vol. 85: Valery Bryusov]. Moscow, 1976, pp. 759–772. (In Russ.).
9. Gudziy, N. *Pushkinskaia literatura v poslerevoliutsionnye gody* [Pushkin's Studies in the Post-Revolutionary Years]. *Kniga o knigakh* [Book about Books]. 1924, No. 4 (May), pp. 30–36. (In Russ.).
10. Frolov, M.A. *N.K. Gudziy v Gosudarstvennoj Akademii Hudozhestvennyh Nauk: k istorii sotrudnichestva. Chast 1: 7 maja 1923 goda — 28 maja 1924 goda* [N.K. Gudziy at the State Academy of Artistic Sciences: on the History of Cooperation. Part 1: May 7, 1923 — May 28, 1924]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 2023, No. 2, pp. 29–50. (In Russ.).
11. Frolov, M.A. *N.K. Gudziy v Gosudarstvennoj Akademii Hudozhestvennyh Nauk: k istorii sotrudnichestva. Chast 2: 26 nojabrja 1924 goda — 7 dekabrja 1928 goda* [N.K. Gudziy at the State Academy of Artistic Sciences: on the History of Cooperation. Part 2: November 26,

- 1924 – December 7, 1928]. *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 2023, No. 3, pp. 30–65. (In Russ).
12. *Jeanne. Zhena poeta Briusova* [Jeanne. Wife of the Poet Bryusov]. Moscow, 2018. 143 p. (In Russ).
13. Gudziy, N.K. *Tiutchev v poeticheskoi kulture russkogo simbolizma* [Tyutchev in the Poetic Culture of Russian Symbolism]. *Izvestiia po russkomu iazyku i slovesnosti Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 1930, Vol. 3, Book 2, pp. 465–549. (In Russ).
14. Molodyakov, V.E. *K istorii nesostoiavshegosia sobraniia sochinenii Valeriya Briusova v Goslitizdate* [On the History of the Failed Collected Works of Valery Bryusov in Goslitizdat]. Molodyakov, V.E. *Moi Briusov: Publikatsii. Statji. Sobranie* [My Bryusov: Publications. Articles. Collection]. Moscow, 2023, pp. 175–179. (In Russ).

Дата поступления материала в редакцию: 7 ноября 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 4 марта 2024 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2024 г.
Дата публикации: 30 июня 2024 г.

Received by Editor on November 7, 2023
Revised on March 4, 2024
Accepted on April 15, 2024
Date of publication: June 30, 2024